

18+

ЛЕВОН АДЯН

СМУГЛАЯ ЧАЙКА

ЛЕВОН АДЯН
СМУГЛАЯ ЧАЙКА

Левон Адян

Смуглая чайка. Рассказы, повести

«Издательские решения»

Адян Л.

Смуглая чайка. Рассказы, повести / Л. Адян — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904872-1

Как в рассказах, так и в повестях Левона Адяна с особым трепетом описаны судьбы героев маленького гордого края — Нагорного Карабаха, окруженного горами, сказочной природой с ее холодными родниками, бурными реками, густыми прохладными лесами, цветущими лугами... И на фоне такой красоты — непростые судьбы людей, и все это тонко и умело передано в образах героев, столкнувшихся не с одним испытанием, но несломавшихся... Любовь, тепло и доброта, идущие от людей, украшают их нелегкий быт.

ISBN 978-5-44-904872-1

© Адян Л.

© Издательские решения

Содержание

ПРОХЛАДНЫЙ ГУСТОЙ ЛЕС, ИЮЛЬ...	12
НА ДАРОГЕ	17
ОРТЕЦ, СЫН И ДЕВОЧКА С КРАСНОЙ ЛЕНТОЧКОЙ	22
ПРЕРВАНЫЙ ПОЛЕТ	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Смуглая чайка

Рассказы, повести

Левон Адян

© Левон Адян, 2020

ISBN 978-5-4490-4872-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Перевод с армянского Нелли Аваковой

СМУГЛАЯ ЧАЙКА

Чаек уже не было. Солнце садилось за синеватый горизонт. Легкий ветерок волновал море, по которому к берегу катились волны, распластав белые, как у чаек, крылья.

Парень был не в настроении. Он пришел на последнюю встречу. В который раз решали расстаться, но встречались снова. Нет, так продолжать уже невозможно, необходимо разойтись. Встретиться было легко, а вот расстаться – нестерпимо больно.

На море стоял штиль. Волны с тихим шорохом скользили по песку и катились обратно. Парню нравились чайки – когда они парили над водой, когда вертикально опускались на волны и снова взлетали. Где-то он прочитал, что в случае гибели одной из чаек вторая падает с высоты, сложив крылья, прямо вниз и разбивается о скалы. Он сейчас смотрел на эти волны и думал о чайках. О белоснежных птицах, которые сейчас, наверное, там, где солнечно, далеко за горизонтом, где небо сливается с морем и где они, перекликаясь, свободно и плавно кружат над синими водами.

Парень не услышал звука шагов по щебенке. Он смотрел на корабль, одиноко стоящий в безбрежном море, сверкая в вечерних лучах солнца. Женщина подошла сзади и встала чуть в стороне. Смотрела на парня. «О чем он думает? О ком он думает? – не без ревности промелькнула мысль у женщины. – Уйти, уйти, забыть его, – думала она печально, с замиранием сердца... – Легко сказать – забудь! Забудь все: блеск глаз, его взгляд, голос и улыбку, его теплое дыхание, его ласки, крепкий поцелуй его горячих губ, его дрожащие пальцы на моих петельках, его исступление – ласковое, неутолимое и взывающее к любви...»

– А вот и я, – сказала она своим мелодичным голосом.

Парень резко повернулся. Он ждал ее с нетерпеливым волнением, однако растерялся, увидев ее – всегда с застенчивой, приятной улыбкой и черными огненными глазами. Он широко улыбнулся, заключая в свои объятия хрупкое, нежное тело женщины.

– Любимая, любимая, любимая, – безостановочно шептал парень, касаясь губами ее черных как смоль волос. – Я боялся, что ты не придешь...

– Почему? – женщина искрящимися глазами посмотрела на парня, одновременно думая о том, что она не в силах вырвать его из своего сердца. – Или ты хотел, чтобы я не приходила? – добавила она, улыбаясь.

– Нет. Боялся, что не придешь, – сказал парень. – Что тебе не удастся прийти. А я так ждал... – Он поднес руку женщины ко рту, касаясь губами и по одному целуя эти прохладные пальцы. – Как тебе удалось прийти?

– Не знаю, – женщина чуть помотала головой. – Сказала, что иду к подруге.

– Не побоялась?

– Если б я могла об этом подумать... – склонив голову на грудь парня, горько улыбнулась женщина. – Не знаю, что происходит со мной. Не могу понять. Но все, больше встречаться не будем. Я больше не могу, у меня нет больше сил, родной, это в последний раз, слышишь?..

– Слышу, – улыбаясь, сказал парень. Он чувствовал на груди ее теплое дыхание.

– Почему так получилось? – женщина отняла голову от груди парня и, словно обращаясь к самой себе, мечтательно произнесла: – Жила я себе спокойно, почему все изменилось?

Парень перевел на шутку:

– Если я виноват, прости.

Женщина улыбнулась и снова прижала голову к груди парня. «Все, – про себя сказала она, – это в последний раз, больше встречаться не будем».

Потом они задумчиво гуляли по берегу моря, а море монотонно шумело...

Встретились в доме у друга, диктора телевидения. Праздновали день его рождения. Женщина пришла с мужем. А парень вообще не мог не смотреть на нее. В женщине оказалось что-то таинственное и манящее, что все время притягивало к себе взгляд парня. Был приятный, трогательный вечер. Пили, беседовали, слушали музыку. Сидели напротив. В какое-то мгновение парню показалось даже, что эта молодая женщина улыбнулась ему, отчего у него внутри словно закипела кровь. Впоследствии он часто думал о незнакомке. Особенно он запомнил улыбку. В этой застенчивой улыбке было неопишное обаяние, которое покорило парня.

Потом они случайно встретились на улице.

– Здравствуйте, – первым ее заметил парень и неторопливо подошел. – Как вы?

– Ничего, – женщина сразу растерялась. Вся покрасневшая и с той же застенчивой улыбкой, она была прелестна. – А как вы?

– Вот так, – пожимая плечами, ответил парень. – Как видите. Как ваш муж?

– Ничего.

Женщина смутилась оттого, что другого подходящего слова, кроме этого нелепого «ничего», не нашла. Она, как загипнотизированная, смотрела прямо на парня, смотреть не хотела, но не могла иначе. Парень, заметив это, внутри ликовал. Они так и стояли посреди улицы. Казалось, что у каждого из них было много несказанного, но стояли без слов, словно не находя их, но и не расходились.

– Правда, вечер был хороший? – наконец сказал парень. – Вам понравилось?

– Да, – сказала женщина. – Все было приятно. В других местах обычно говорят о повседневных вещах, в большинстве случаев об утомительных бытовых подробностях, о евроремонте. Здесь все действительно было иначе, в целом другая обстановка, хороший был вечер. Почему вы не прочитали стихи? – добавила она, краснея.

– Какие стихи? – улыбнулся парень.

– Ваши. Вы пишете, я знаю. Я еще до этого вас знала, много читала и была приятно удивлена, в первый раз так, случайно, увидев вас.

– Спасибо, – широко улыбнулся парень. – Значит, вы меня знали до этого. А потом, после того дня, вспоминали обо мне? Хотя бы один раз?

– Вспоминала, – тихим голосом ответила женщина, и румянец на ее лице расцвел еще больше. В этот миг она была в самом деле прелестна. – И не один раз... – добавила она и не моргая посмотрела в глаза парню. – Много раз вспоминала.

– Я тоже вспоминал вас. На самом деле, с блаженством, и мечтал когда-нибудь встретить вас и сказать о том, что написал много стихотворений, посвященных вам. Но потому, что я не знал даже, как вас зовут, цикл стихов назвал: «Ода незнакомой красавице».

– Боже мой, вы мне посвятили стихи?

– Конечно. И не терял надежду, что обязательно встречу вас и скажу вам об этом. Вы знаете, что такое надежда? Глубокие старики каждую ночь ложатся спать без уверенности в том, что на следующий день утром проснутся, но снова и снова заводят будильник. Вот это и есть надежда. И я благодарен богу, что встретил вас.

– Спасибо, – взволнованная от неожиданной радости, сказала женщина. – Значит, мы оба вспоминали друг друга? Господи, как это приятно!

После того вечера женщина на самом деле не забывала парня. Все время думала о нем, и теперь выясняется, что парень тоже думал о ней, стихи ей посвящал... У женщины не было мысли о том, что парень все это сказал, чтобы просто завести разговор, что это только результат бурного воображения поэта. Видимо, человеку свойственно верить в то, во что ему хочется верить от души.

– Я тронута, – снова произнесла она тем же тихим голосом. – Вы очень добры...

Они стояли посреди улицы, было неудобно, женщина неохотно отошла на шаг назад.

– До свидания, – сказала она.

– До свидания, – произнес парень, ступая на шаг вперед. – Я хотел вас попросить...

– О чем? – заинтересовалась женщина. – Говорите.

Парень об этом и не думал, но нашелся:

– Я хотел прочитать вам эти стихи. Я ведь провел бессонные ночи и мечтал прочитать их вам и услышать ваше мнение о них. Прошу, не причиняйте мне отказом боль. Встретимся там, где встретились в первый раз. Адрес, слава богу, знаете. Он мой близкий друг, создадим ту же обстановку, которая была тогда, слушаем так же музыку, и я с любовью прочитаю цикл моих стихотворений, посвященных вам, то есть юной неземной красавице, которая блеском своих глаз и чарами пленила влюбленного поэта.

Женщина хотела сказать, что она любит своего мужа, что у нее двое детей – мальчик и девочка, что она никуда не пойдет с посторонним мужчиной, но губы невольно прошептали: «Не знаю».

– Я завтра в это время буду ждать вас там, прошу вас, умоляю, не разбивайте сердце, которое стучит для вас.

Парень быстро попрощался, чтобы женщина не успела ему отказать.

Следующая их встреча состоялась не в квартире друга, который в тот раз оказался в командировке, но женщина об этом не знала, а поздно вечером, на последней остановке автобуса под номером сто девять, на повороте к городскому пляжу. Женщина вышла из рейсового автобуса и с сомнением огляделась вокруг. В соседних домах горел свет. Парень вышел из-за деревьев и направился к остановке. Он был крепкого сложения, широкоплечий, и ей показалось, что всю жизнь она ждала именно его, и она невольно пошла вперед, не отрывая взгляда от парня, и их руки, словно много лет искавшие друг друга, но только сейчас нашедшие, сплелись воедино.

– Благодарю, что пришла, – сказал парень, потом добавил: – Я бы сошел с ума, если бы ты не пришла.

По тропинке между кустами и камнями они спустились к морю. Стояла тишина. И только седые пенные волны с легким шелестом накатывали, разбивались о гладкие прибрежные камни и отходили обратно. Сели на пустынном берегу. Женщина, как много раз это было, упрекала себя за то, что пришла сюда, что оказалась такой безвольной, слабой. Она направила взгляд вдоль глади моря, задумчиво смотрела в одну точку. Туда, где море сливается с небом. Ей казалось, что парень про себя смеется над ней. Она даже ужаснулась этой мысли, потом, посмотрев на парня, сказала:

– Я сама себе простить не могу, а ты прости, что я такая безвольная...

Парень не дал ей договорить. Он нежно обнял женщину за плечи, повернул ее лицом к себе.

– Я люблю тебя, – прошептал он, целуя полуоткрытые нежные губы женщины.

Губы у парня были пылкими, руки – сильными, объятия – крепкими. И для женщины вспыхнули и посыпались с неба сверкающими гроздьями звезды, падая в море... Она вновь и вновь вспоминала встречу в квартире его друга и свои слова, сказанные угасающим шепотом: «Нет, нет, не смейте, не смейте...», что были слышны только ей одной, под грохочущие звуки «Болеро». Но это не было даже попыткой сопротивления, скорее словами инстинктив-

ной самозащиты, родившимися и тут же погасшими на ее багровых устах. А парень, задыхаясь от страсти, лихорадочно, мощно, как необузданный жеребец, с таким буйством овладел ею, что вместе со стоном остановилось её дыхание... и она, невольно поддавшись, покоренная, не успела даже подумать о сопротивлении. Женщина со слезами во взоре упрекала себя за то, что нет у нее чувства собственного достоинства; что там... в той квартире отдалась ему и здесь, на этих голых камнях, отдается ему снова.

Они сидели и мечтали. Чайки кружили над их головами, тоскливо кричали, пролетали над водой, белыми перьями касаясь морской синевы, а они смотрели на них. Лежали на пляже на гладких валунах, бегали по теплому песку, и каждый раз женщина думала о том, что нужно расстаться, так продолжать невозможно. По какому праву и до каких пор?

– Я тебя не виню, – заговорила женщина. – Я сама виновата. В подобных вопросах женщины, и только женщины виноваты.

– Пожалела?

– Пожалела?... – женщина на мгновение задумалась, потом решительно сказала: – Нет. Сожаления – это такая ненужная эмоция. Бессмысленно сожалеть, потому что бесполезно. Все равно вернуть ничего нельзя. Единственное, о чем можно сожалеть в своей жизни, это о том, что ты окружал вниманием и заботой тех, кто не были этого достойны... И что толку жалеть о том, чего действительно нельзя вернуть, исправить... Я сама не знаю, как все это получилось, это был сладкий сон. И теперь этот сон должен прерваться. Не пожалела и никогда не должна жалеть. Просто жила для себя. И казалось, что это и есть счастье. Другого счастья не бывает. Ты все перевернул. Но ты совсем не виноват. Я говорю не то, что думаю.

– Конечно, – улыбнулся парень, – ты виновата. Зачем рано замуж вышла? Не могла подождать?

– Если б я знала, что встречу тебя, сто лет бы ждала. Но ты не женился бы на мне.

– Почему? Женился бы, честное слово, женился бы. Значит, ты сомневаешься, что я люблю тебя?

– Не сомневаюсь. Временами мне даже кажется, что это меня держит. Где бы я ни была, думаю о том, что ты есть, что, когда бы я ни захотела, могу позвонить тебе – и мне станет легко. Мне дорог каждый миг, с тобой проведенный, ты согреваешь теплотой своего сердца. Я уверена, что жизнь не знает ничего, равного моей любви, а это значит, что достойная плата за эту любовь – плата самой жизнью.

– А если женюсь на другой, то ты меня забудешь... – глядя на воду, непринужденно произнес парень. – Совсем не вспомнишь.

Женщина вдруг посмотрела на парня:

– Молчи, умоляю! О чем это ты говоришь?

Парень захотел обнять женщину. Она вроде бы обиделась, вроде не хотела, чтоб он ее обнимал, целовал. Отворачивалась в сторону, но парень понимал, что женщина растягивает удовольствие. Он еще сильнее прижал ее к себе, губами отыскал ее рот... Парень всегда был неистовым, это нравилось женщине... «Любимая, милая, родная, – задыхаясь, шептал парень, – желанная, безгранично желанная ты моя, я люблю тебя, неужто ты сомневаешься?»

А после он устало лежал лицом к небу. Женщина сидела рядом, обняв колени.

– Я был неправ, – заговорил парень, – я пошутил. Мне кажется, что я никого любить не смогу... Когда нахожусь рядом с тобой, то ничего вокруг не замечаю, а просто люблюсь, восхищаюсь, горжусь тобой и твоей любовью. На земле есть семь чудес света, но есть еще одно, восьмое чудо, самое удивительное и прекрасное – это ты... Должен жениться, – повторил он, – но мне кажется, что между ею и мной будешь стоять ты... Я буду искать в ней тебя – и не находить... Я это знаю...

«Я ему мешаю, – думала женщина, – он из-за меня не женится. Удалось, зачем мешать?» Она медленно гладила руками лицо парня, долго держала пальцы на теплых его губах.

– А ты его любишь?

– Не знаю, – спокойно сказала женщина. – До тебя казалось, да. А теперь не знаю. Он меня любит. Это его ослепляет, и в мыслях он не допускает, что я могу ему изменить, любить другого. У нас в издательстве, где я работаю, знают, что я люблю тебя. Твою книгу для меня достала одна из девушек. Там, в шуме типографских машин, я думаю о тебе, по дороге в автобусе думаю о тебе... А муж наверняка думает, что я самая счастливая в мире женщина.

– Разведись, – просто сказал парень.

– А потом?

– Вместе поедem в другой город.

Женщина, конечно, понимала, что такого быть не может. Правда, он сейчас произносит эти слова, но быть так не может. Этого не может быть. «Между мною и им – целая пропасть, он этого сейчас не понимает». Женщина думала об этом, но сказала другое:

– Он без меня не может. Он инженер-нефтяник и работает в море, иногда неделями не приходит. Если шторм или срочная работа. Ты представляешь, в месяц пишет по десять – пятнадцать писем. Ты это представляешь? Подруги, наверное, завидуют, не понимая, что чужая жизнь всегда привлекательнее для других, но никто не знает, что там на самом деле. Одна из моих подруг правильно говорит, что чужая жизнь – это вроде как чужие окна, потому что, даже если там на подоконниках цветы, это еще не значит, что внутри рай... Я знаю, – добавила она, – он сойдет с ума... А дети... – женщина на мгновение замолкла. – Нет, больше встречаться не будем, это в последний раз.

Они были рядом, стояла полная тишина. А волны то ли ласкались, то ли тихо пели. И по всему горизонту раскинулось темное море, вся гладь его казалась пашней, и пашня сверкала от мерцания звезд. А луна, только что поднявшаяся с противоположной стороны моря, пробивала тропинку поверх черной пашни.

– Лучше бы мы не встретились, – нарушила тишину женщина. – Так легко было жить! Я много думала об этом. Зачем мы встретились? Помнишь нашу встречу в доме твоего друга? Когда мы были одни. Помнишь?

– Да.

– А потом я заплакала... Я же этого не хотела. Просто не понимала, что со мной происходит, я не была самой собой.

– Потом сели подальше друг от друга, – вспомнил парень. – Я тебя не держал, не задерживал, а ты все повторяла: «Пусти меня, лучше уйду» – и не уходила.

– Не могла. Если б могла, ушла бы. Не осталась. Казалось, что я многие годы искала тебя, а когда нашла, боялась сделать даже шаг – боялась потерять... Хотя во мне росло беспокойство, я чего-то опасалась, а чего именно – не понимала. Но не уходила. Сейчас я понимаю, что я боялась саму себя... Сегодняшнего дня... Если бы мы тогда расстались, было бы легче...

Парень молчал. Они долго гуляли, прислушиваясь к плеску воды. Волны шумно выкачивались на берег. Женщина посмотрела на часы.

– Поздно, – прошептала она. – Пошли... Сейчас придут домой из кино, нужно накормить его ужином.

Парень хмуро посмотрел на нее:

– Не обижайся... Кто должен накормить его?

Он снова с неистовством обнял женщину, поцеловал ее горячие непокорные губы. Чуть ранее парень написал на песке: «Я люблю тебя!» Поправляя волосы, она увидела, как волна накатила и унесла эту надпись. «Все в жизни так, – грустно сказала женщина. – Есть – и нету». Потом посмотрела в сторону моря. Но море было мирное, спокойное. Посмотрела на прибрежные гладкие камни, взглядом смирив берег, посмотрела на скалы. Все там было ей родное. Женщина смотрела печально, будто здесь прошла вся ее жизнь и теперь она навсегда расстанется с этим.

По узкой каменистой дороге они стали подниматься к остановке автобуса. В воздухе кружились летучие мыши, резко опускались, чуть не касаясь их крыльями. Парень смотрел на этих полуптиц и думал о чайках. Белоснежные чайки, которые, наверное, находятся очень далеко, там, где солнечно, вдали, где море и небо сливаются на горизонте, где они парят и медленно кружат над синими водами.

– Ты сейчас думаешь о своих чайках, – сказала женщина. – Ты влюблен в чаек. Я это знаю. У тебя много стихов написано про чаек.

Парень внимательно посмотрел на женщину. В темноте ее волосы были черными, щеки смуглыми, все лицо было смуглым.

– Если я влюблен в чаек, значит, я влюблен в тебя. Ты похожа на красивую чайку, – улыбнулся он. – Ты моя смуглая чайка.

Правой рукой парень обнял женщину. Они поднялись по узкой тропинке, а когда показалась остановка, парень сказал:

– Я здесь постою, а ты иди, вдруг знакомые встретятся. – Он коснулся пальцами губ женщины. – Прощай. Я тебя никогда не забуду. Никогда-никогда.

Он думал о том, что порой приходится расстаться с той, которую безумно любишь, чтобы по-прежнему любить ее.

– Я тоже. Я тоже не забуду. Я не смогу тебя забыть, если даже захочу. Если даже очень захочу. Господи, каждый может видеть, как ты выглядишь, но не каждый может знать, что у тебя в душе. Поверь, бывают такие минуты, что не хочется жить, а хочется грустить, только грустить и плакать. Зачем я тебя полюбила, зачем, скажи, я люблю... – Голос женщины дрогнул, глаза застелили слезы. – Скажи, кому невыносимо тяжело – тому, кто уходит, или тому, от кого уходят?

– Тому, кто безумно любит.

– Я ухожу, мне безмерно тяжело, потому что безумно люблю тебя... Живи и помни. – Она прижалась к нему. Женщина не хотела отрываться от него. – Значит, все? Больше не встретимся?.. – Она уже не могла сдерживать слезы. – Самая страшная не безответная любовь, а когда она взаимна, но вы не вместе.

Вдали показался автобус.

– Еще раз встретимся – и все, – внезапно сказала женщина. – Только один раз...

– Хорошо, – наконец сказал парень.

Он хотел сказать «нет», но сам не понял, как сказал «хорошо». Женщина, посмотрев на него лучистыми глазами, повернулась и пошла к остановке.

По пути она обернулась, чтобы еще раз посмотреть на парня, помахала ему рукой на прощанье.

Она, наверное, улыбнулась в темноте.

Автобус уехал. Смуглой чайки не стало. Белых чаек не было. Парень был одинок. Внизу, под сопкой, виднелось море. Действительно, вся гладь моря казалась черной пашней, на которой мерцала узкая лунная дорожка. Он думал пойти по этой дорожке, идти, идти туда, где в золотистых лучах солнца над морем порхали белокрылые чайки...

=====

Посвящаю Т Е Б Е

Одинокая чайка – твой крик-отчаянье,

Одинокая чайка – судьба печальная

*Одинокая чайка – хоть и на воле,
Одинокая чайка – не знает покоя.*

Олёна Ростова

ПРОХЛАДНЫЙ ГУСТОЙ ЛЕС, ИЮЛЬ...

Второй день, как Арпине услышала о том, что Он приехал. И сейчас, когда до ее слуха дошел слабый рокот машины, она медленно, словно в предчувствии чего-то плохого, подняла голову, посмотрела на дорогу. Поднимая легкую пыль, проехала машина Арташеса... Арташес сидел гордый и самоуверенный, с поднятой головой, правая рука на руле, левая – навстречу ветру...

Проехал Арташес, оставив на дороге лишь облако пыли, которое, постепенно растаяв, легко и медленно село на зеленую обочину дороги, и больше ничего не осталось от недавней пыли, похожей на далекий туман...

Была любовь – сильная и нежная, сладкая, томная, но она постепенно прошла. Потом любовь была и не была, потом вообще не стало. Почему прошла, почему ничего не осталось? И самая большая потеря в том, думала Арпине, это когда что-то умирает в тебе, что-то очень дорогое и родное, что жило в тебе и помогало жить. И когда Арпине услышала вдруг, что Арташес приехал в село, сердце ее вмиг словно остановилось, трудно стало дышать, показалось, что внутри что-то оборвалось, лицо запылало. Ей показалось, что женщины сейчас заметят это и бог весть что подумают.

Она торопливо наклонилась и продолжила сажать рассаду.

Значит, любовь есть, осталась, как затаившийся в золе уголек и теперь снова затлела... Жаль, очень жаль, что нельзя остановить время и повернуть его вспять, чтобы исправить свою ошибку. Значит, остается только смириться с судьбой и жить красивыми воспоминаниями из прошлого, которые поистине согревают твою душу, наполняют сердце радостью, но в то же время безжалостно обжигают тебя изнутри...

– Мам, видела машину? – спросил прибежавший со стороны дороги старший сын. – Белая, будто обдана молоком, видела, мам?

Арпине не обратила внимания на сказанное сыном. Она начала сосредоточенно доить корову, и струи молока, как солнечные лучи, плясали и подскакивали в ведре, молоко поднималось, пенилось, пенка лопалась. Арпине и доила, и непрерывно думала об Арташесе, который более десяти лет в деревню не приезжал, а теперь каждый год должен приезжать. Говорят, приехал восстановить дедовский дом, и после этого каждое лето будет приезжать вместе с семьей на отдых в отчий дом.

И во время дойки, и когда надоенное молоко несла домой, а оно, парное, шипело в ведре, Арпине продолжала думать об Арташесе. Пыталась не думать, не получалось, не могла забыть его. А когда закрипела калитка и Мукел, с большим носом, дородный и мрачный, с вязанкой хвороста за спиной, вошел во двор, холодная дрожь пробежала по телу Арпине. Ей почему-то показалось, что Мукел сейчас все поймет, догадается о том, что происходит в душе жены, и как-то испугалась...

Мукел с треском сбросил с плеча тяжелую вязанку хвороста, от которой правое плечо будто поднялось, немного выпрямился, после чего заметил жену.

– Корову подоила? – спросил он безразличным и суровым тоном.

– Да, – тихо произнесла Арпине.

Мукел не заметил, что голос жены как-то изменился. А Арпине, облегченно вздохнув, что муж ничего не заметил, собрала в кучу нарубленные сыном сухие ветки и начала разжигать огонь.

– Ты только сейчас собралась заняться обедом? – чуть позже и немного недовольно спросил Мукел, садясь на каменные ступеньки и закручивая папиросу.

– Но я только пришла, – покорно ответила Арпине. – Принесли много рассады, поздно закончили.

– А где теленок?

– Завела в хлев. Был привязан у ограды. Вдоволь пощипал травы.

Мукел медленными, уставшими движениями закручивал папиросу. Чуть позже, когда Арпине приготовила молочный суп и они, сидя на веранде, безмолвно ели, старший сын, который в этом году должен был пойти в первый класс, вдруг мечтательно, с воодушевлением произнес:

– Сегодня я увидел новую «Волгу», словно облитую молоком, белую-белую. Когда я вырасту, куплю себе такую.

Арпине будто за руку кто-то поймал за преступлением, ложка в руке задрожала в воздухе, однако незаметно опустилась в тарелку... Но Мукел не заметил. Или сделал вид, что не заметил. Взбешенный от ревности, он несколько раз выходил из себя. Толстогубый, с мохнатыми густыми бровями, широкими ноздрями, с выступающим кадыком, он осатанело посмотрел на жену, хриплым голосом спросил:

– Что за машина?

– Не знаю, – тихим голосом, притворяясь равнодушной, сказала жена, – не видела.

– Видела, я показал, видела, – скороговоркой протараторил сын. – Не видела, мама?.. Я Нанарик тоже показал.

– Ешь свой обед, – сердито сказала мать.

Тихо, безмолвно съели молочный суп.

– Машина Арташеса, – помолчав, сказал Мукел. – Он был Арташ, я – Микаел, сейчас он Арташес, я – Мукел. – Слова медленно, будто лениво, сыпались из-под пожелтевшей от папирос бороды. – В школе сидели за одной партой, контрольные у меня списывал, поехал, стал человеком, потому что за его спиной был хозяин. А я остался пастухом и заготовщиком сена. – Мукел глубоко вздохнул, отодвинул тарелку в сторону и сказал: – Говорят, за деньги людей принимает в институт, – и добавил, судорожно натягивая мышцу щеки: – Зарежу, если услышу, что словом молвилась с ним.

– Мукел, – испуганно одернула мужа Арпине, мельком взглянув на детей.

Дети втроем сидели вокруг стола и с удивлением смотрели то на отца, то на мать. Муж не обратил внимания на тревогу жены.

– Чая нет? – чуть позже спросил он.

– Есть, – тихо ответила Арпине и пошла за чаем.

Чайник был во дворе, на очаге. А на улице было уже темно, и из темноты Арпине смотрела на мужа, сидевшего с понурой головой под тусклым светом лампы на веранде, и сердце ее затрепетало от понимания несостоятельности ее жизни. И самое ужасное, что жизнь ей преподнесла тысяча одну причину, чтобы плакать, и никакой возможности – посмеяться от души. Она долго смотрела, будто впервые видела мужа, с горечью думая о том, что она его никогда не любила.

Выходит, она любила всего один раз – в первый и последний раз. Но почему и как она жила, если не любила? И кто, кто может понять, какие это муки, страдания – жить с нелюбимым человеком?.. Она долго думала над этим и не могла понять, зачем вышла замуж за него...

Наливая чай в стакан мужа, Арпине заметила, что от него несет свежескошенной травой. Этот запах буквально душил ее, когда они выключили свет и легли в постель... Мукел был небрит, жесткие волосы кололи лицо Арпине, а запах сена был невиносимо тяжелым. Арпине закрыла глаза, и Мукел не понимал, зачем. Все тело жены, с ног до головы, дрожало, и Мукел не понимал, почему.

Арпине старалась отогнать от себя каждую мысль и воспоминание, связанное с Арташесом, но это ей не удавалось.

– Может, у тебя болит голова? – спросил, наконец, Мукел, сидя в постели и зажигая папиросу. – Может, живот болит? Хочешь, пойду позову врача? Вон жена нашего Вагинака дома, медицинское училище окончила в Степанакерте...

Но Арпине мотала головой (не хочу!), кусала пальцы (не хочу!), глухо всхлипывала (не хочу!), крепче обнимала подушку, и Мукел, сидя в постели, растерянно смотрел на жену и ничего не мог понять...

Женщины сидели в тени грушевого дерева, когда пришла Арпине, держа Нанар за руку. Будто ждали ее появления. Они поднялись, взяли свежую рассаду и пошли на поле. Узелок с едой – пучок зелени, два куска хлеба, бутылка сладкого чая, кусок сыра и пара вареных картофеля – Арпине привязала к дереву, наказала Нанар сидеть пока в его тени и пошла за всеми. Арпине шла между грядками и опять думала об Арташесе: «Зачем ты приехал? Почему сбежал тогда?..»

...Она перешла в десятый класс, было лето, июль, с подружками собирали траву выше Бахчута, на поляне Ивана, когда в первый раз увидела Арташеса... Стройный был парень, высокого роста, с большими голубыми глазами и русыми волосами, с чубом, спускающимся на лоб. Он вышел из леса, закинув ружье на плечо, как палку пастуха...

Арпине знала о нем, он из нижних дворов села, даже говорили, что до восьмого класса учился здесь, в деревне. Арташес подошел, поздоровался. «Я хочу пить, – сказал он, с высокой улыбкой глядя на девочек, – не найдется ли у вас воды?»

Да, так и было, стройный парень высокого роста, с большими голубыми глазами и с русым чубом на лбу... Своей непринужденной улыбкой он покорила Арпине, и Арпине сразу вскочила с места: «Я пойду, принесу». Взяла кувшинчик, потеряв голову, побежала по тропинке, ведущей к роднику, не обращая внимания даже на то, что девушки прыснули ей вслед... После этого Арташес часто приходил на поле, подружился с девушками...

И по ночам Арпине не спалось, рано утром шла на поле, больше всех трудилась и словно не уставала. На этом поле траву уже собрали, должны были перейти на другое место, когда пришел Арташес... Опять с ружьем на плече и немного вспотевший. «Завтра, наверное, уеду, – сказал Арташес. – Дипломную не написал еще, должен успеть». Арпине почувствовала слабость в коленях, сердце затрепетало в груди... «Как?.. Так рано? А я?» – неслышно прошептала она. Что теперь она должна делать без Арташеса?

Где-то вдаль послышалась трель перепелки, и сердце Арпине сжалось, замерло... Ей казалось, что Арташес должен приходиться каждый день, и она тайно должна смотреть на него и по ночам от счастья плакать. Как это?.. Неужели, все закончено?..

«Воды нет у вас? Я от жажды просто умираю». – «Арпине принесет, – засмеялись девушки. – Только Арпине знает, где находится родник». – «Нет, я сам, – улыбнулся Арташес своей обворожительной улыбкой. – Только покажите мне, как спуститься к роднику». – «Только Арпине знает место родника, – снова засмеялись девушки, – Арпине, иди, покажи».

Взволнованная и покрасневшая Арпине, не моргая, смотрела на Арташеса. «Пойдем, покажу, – наконец, сумела произнести она, – это не так далеко...» Легко и красиво, как лань, Арпине грациозно шла впереди. Зашли в лес, где деревья тянулись в небо, качались, касаясь небесной лазури, в унисон переливались соловьи и жаворонки, где-то в глубине леса, прерываясь, куковала кукушка. В лесу пахло сыростью. Пройдя мимо высоченных буковых деревьев и замшелых огромных изумрудных камней, они прошли еще немного вперед, и внизу показался уже Аракеланц родник.

Арпине остановилась, повернулась к Арташесу. «Отсюда прямо спустись вниз, – сказала она, – там есть два высоких близнеца-карагача, под этими карагачами родник». Арташес пристально смотрел на нее и улыбался своей обаятельной улыбкой. Арпине не смогла выдержать его взгляда, быстро отвела глаза, невнятно произнесла повторно: «Под близнецами-карагачами находится родник».

Неожиданно Арташес взял Арпине за руку, слегка притянул ее к себе, улыбаясь и чуть изменив голос, сказал: «Неужели ты подумала, что я не знаю, где находится родник? Знал, Арпине. И так же знал, что именно ты пойдешь показывать мне место... Потому что с самого первого дня ты мне очень понравилась». Не убирая руки из крепкой ладони Арташеса, Арпине подняла голову и глазами, полными слез, посмотрела на него. Боже мой, промелькнуло в мыслях у Арпине, как долго она мечтала о том, чтобы стоять вот так, с Арташесом, рука в руке и смотреть в его очаровательные глаза. Арташес притянул Арпине еще ближе: «Ты хочешь, чтоб я тебя поцеловал», – глядя на ее пламенные губы, твердо сказал Арташес тем же изменившимся голосом. Это, конечно, не было вопросом, Арпине это почувствовала, ответ не заставил себя ждать.

«Хочу», – будто не сама Арпине, а вместо нее так решительно подтвердил кто-то другой, потому что она в этот момент ни в чем не была уверена. Она невольно прижалась к Арташесу и мгновенно почувствовала крепкое слияние его чувственного рта с ее губами. И все-все это – запах сырости прохладного густого леса, слабое покачивание деревьев высоко в небе, переливчатое пенье разных птиц и тоскливый зов кукушки в глубине леса, горящий рот Арташеса на ее пламенных губах... – все это казалось Арпине не явью, а сном.

«Ну, я пошла, – приходя в себя, прошептала Арпине, – девушки бог весть о чем подумают...» – «Пусть думают, – задыхаясь от волнения, сказал Арташес. – О чем подумают? Скажи, о чем подумают?» И Арташес все сильнее и сильнее прижимал к своей груди Арпине, иступленно целуя глаза, щеки, снова и снова губы, шею, грудь Арпине. Арпине вначале с удивлением, потом испуганно посмотрела на него... Она словно хотела высвободиться из его сильных рук, но в то же время и не хотела.

«О чем должны подумать? – будто в лихорадке шептал Арташес. – Ну что должны сказать?» – «Не знаю...» Арпине действительно иногда испуганно смотрела на Арташеса, хотела высвободиться из объятий, но не могла, потому что приятное дыхание Арташеса очаровало ее, и Арпине, прислонившись спиной к стволу бука и не в состоянии сопротивляться сумасшедшей пучине страсти, медленно сползла вниз...

Что потом происходило, Арпине не воспринимала, она спиной ощущала землю, мягкую, холодную прошлогоднюю листву, Арташес прижимал ее к своей груди, а она, освобождая рот от его ненасытных губ, время от времени возбужденно шептала: «А если не женишься, Арташес... А если вдруг не женишься на мне... Если я забеременею...» Арташес спешно, поцелуями, перекрывающими ее дыхание, обратно закрывал ее рот. «Я люблю тебя, – самозабвенно произносил Арташес. – Я безумно люблю тебя, Арпине... Я увезу тебя в город, выучишься, я тебя здесь не оставлю...»

Арпине сажала на грядках саженцы томатов. «Сейчас зачем приехал? – говорила сама себе Арпине. – Зачем приехал?»

– Арпен, ахчи, чего ты сегодня грустная? – сказала Ерсик, соседка.

– Я не грустная, – слабо улыбнулась Арпине, – просто нет настроения.

– Наверное, не спала, – засмеялась Нушик. – Мукел сегодня на ферме был или домой пришел?

– Домой пришел, – выпрямляясь, устало сказала Арпине, – а что?

– Ну, ясно, – снова засмеялась Нушик. – Не дал бедной спать.

Женщины засмеялись, и тут из деревни показалась машина... Поднимая легкую пыль, подъезжала машина Арташеса. Сердце Арпине забило часто, а губы высохли и задрожали. Она еле держалась на ногах... Машина остановилась недалеко от них на обочине дороги. Арташес вышел из машины... Не изменился, как будто прежний Арташес, изящный, стройный, только виски поседел и, как прежде, запутанные волосы небрежно спадали на лоб.

– Здравствуйте, – Арташес улыбнулся всем и прошел вперед. – Как вы?

– Хорошо, – ответили с разных сторон. – Ты как? Как ваши?

– Ничего, – улыбнувшись, повел плечами Арташес. – Хорошо.

Арпине казалось, что сейчас Арташес подойдет к ней и пожмет ей руку. Подойдет, и она пристально посмотрит в его глаза и спросит, почему обманул тогда, много лет назад, почему не пришел... больше не пришел?

– Столько лет не приезжаешь, – сказала Ерсик, – ты не скучаешь по деревне?

– Времени не бывает, – Арташес улыбнулся Ерсик, – я решил впредь каждое лето приезжать... Хочу отремонтировать дедовский дом...

– Молодец, правильно решил, – со всех сторон похвалили его женщины. – Земля – вещь сладкая, тянет к себе. А как же! Родную землю забыть невозможно.

– Я поговорил с мастерами, летом будущего года будет готово.

– Ты не женился? – хитро улыбнулась Ерсик.

– Женился, – кивнул головой Арташес и только теперь заметил дочку Арпине.

– Тебя как зовут? – улыбнулся Арташес, достал из кармана конфеты в разноцветных бумажках и протянул ей: – Возьми.

Нанар отошла, спиной прижалась к коленям матери, вопросительно посмотрела на нее: «Взять?» И Арташес улыбнулся Арпине своей прежней лучистой улыбкой. Так, как улыбнулся Ерсик, как улыбнулся Нанар. «Ты забыл, – еле сдерживая слезы, с горечью сказала сама себе Арпине. – Обо всем позабыл...»

– Возьми, – насколько возможно сдержанно сказала Арпине, и Нанар, стесняясь, пугливо протянула руку.

Арташес положил шоколад в ее маленькую ладонь. Происходило как будто что-то необычное, женщины встали и смотрели. Арташес ласково ущипнул за щеку Нанар, почтительно попрощался со всеми, потом демонстративно очень гордой походкой пошел к машине...

Арпине осталась стоять на грядке томатов с грязной палкой в руке... Слезы уже беспрепятственно текли по щекам, но женщины не видели, потому что они зачарованно смотрели на Арташеса, на его белую, как молоко, «Волгу» и завидовали его жене, которая, говорили, была дочерью какого-то профессора, ходила с крашеными глазами и волосами.

Арташес завел машину, машина слабо зарокотала и поехала по дороге через открытое поле. Пыль поднялась над дорогой, как облако. Женщины стояли и смотрели, пока машина не скрылась за последним поворотом, пока на дороге за последним поворотом на миг не поднялась синяя пыль, а затем осела.

Сердце Арпине защемило... Она села посреди поля томатов с грязной палкой и рассадой в грязных руках и зарыдала. Женщины прибежали к ней, сгрудились: «Что случилось, ахчи?» – «Она ведь была не в духе». – «Арпен, ахчи, Арпен, что с тобой случилось?» – «Может, Мукел побил тебя, ахчи?»

А Арпине сидела на грядке с рассадой и грязной палкой в руках, обессиленная, опустошенная, и плакала...

=====

НА ДАРОГЕ

Издали сразу показался Тартар – мрачный и по всей вероятности мутный. Река текла с гор.

– В верховьях сейчас дождь, – держа мускулистые руки на руле, парень высунул голову из кабины грузовика и посмотрел в сторону гор.

Небо было окутано мраком, черное, как асфальт, а темно-серое покрывало дождя спускалось с гор вниз, навстречу грузовику. Парень в уме подсчитал, сколько осталось до Хндзахута, и пришел к той нерадостной мысли, что дождь застанет их сразу после первого села.

– До деревни еще достаточно далеко, – сказал он вслух.

– Сколько? – спросила девушка.

– Десять – пятнадцать километров.

– Это не так много, – ответила девушка, на мгновение скосив глаза на парня, и с интересом начала смотреть в окно. Она хотела, чтобы эта дорога, ведущая по горам и котловинам, была длинной, очень длинной, без остановки. Девушка смотрела наружу, а парень, заглядывая тайком в длинное зеркальце кабины, видел ее профиль, с радостным чувством вспоминая их первую встречу...

С того дня прошло всего полторы недели, однако кажется, что это было очень давно. Он тогда возвращался из районного центра, отвез зерно на заготовку, возвращался домой, в Хндзахут. Ехал на большой скорости, чтобы вовремя успеть в деревню, не попав под дождь. И вдруг издали увидел девушку. Это было возле деревни Неркин Оратаг. По всей вероятности девушка, услышав шум мотора подъезжающей машины, вышла на дорогу и пошла прямо посередине шоссе. Парень несколько раз просигналил, требуя, чтобы она ушла с дороги. Однако девушка продолжала идти, будто эти сигналы ее не касались. «Она не слышит, что ли?» – рассердился парень. Сбавляя скорость грузовика и поворачивая его немного вправо, к обочине, парень резко притормозил машину. Он захотел нагрубить упрямой незнакомке, но девушка вдруг повернулась к парню, и он вместо того, чтобы высказаться, очарованно уставился на нее: девушка была очень хорошенькая. Парень на миг растерялся, но подумал о том, что, раз остановил машину, нужно что-то сказать.

– Куда идешь? – спросил он.

– А зачем тебе это нужно? – как старая знакомая, с заигрывающей улыбкой ответила девушка, мгновенно покорила его темным блеском глаз. – Все равно, не отвезешь, – быстро добавила она. В Хндзахут иду, это далеко.

– На другом конце света, – парень невольно широко улыбнулся. – Но отвезу, – также торопливо сказал он. – Честное слово, отвезу, – и спешно повернувшись, открыл дверцу кабины. Девушка почему-то засмеялась и, поднявшись в кабину, села возле парня. Она, вероятно, хорошо знала силу влияния своего очарования. Парню показалось, что маленькая кабинка грузовика наполнилась чарующим ароматом полевых цветов.

– Наша машина отказала возле этого села, – объяснила девушка. – Водитель сказал, что заправили нечистым топливом. Отвезли в местный колхозный гараж на ремонт. А я решила поехать на попутной машине. Водитель был, конечно, против, но я его не послушалась. Правильно я сделала? – непринужденно улыбнулась девушка и в ожидании посмотрела на парня.

– Конечно, – быстро и весело ответил парень, с тем же очарованием поглядывая на девушку. Эта девушка с горящими глазами и смугленьким личиком нравилась ему.

Машина тронулась с места и, сразу набрав скорость, поплыла по асфальту.

– Я как раз еду в Хндзахут, – сказал парень после короткой паузы.

– Боже мой! Правда?

– Да, – сказал парень. – Ты, видно, не из этих мест. Я раньше тебя не видел, – и, чуть помедлив, многозначительно добавил: – Обязательно запомнил бы, если б увидел...

Девушка искоса посмотрела на парня и проникновенно улыбнулась.

– Ты что, всех местных девушек знаешь?

– Не всех, конечно, но в лицо знаю... Наши отличаются от других.

– В каком смысле? Они красивее?

– Не сказал бы, что некрасивые. Среди них есть такие, что на всесоюзном конкурсе красоты заняли бы призовое место.

– А почему не занимают?

– Потому что армянки, – быстро и гневно выпалил парень. – Кто даст армянке в составе Азербайджана принимать участие в конкурсе, да еще и всесоюзном?

– Я действительно не местная, – сказала девушка, сразу став серьезной. – Родители мои карабахские, из Шаумяновского района. Про село Эркеч слышал? Они из этого села, но я родилась в Баку. Вернее, на окраине Баку, в поселке Забрат. Учусь на последнем курсе геологического института. Сюда прислали на практику.

– Значит, ты геолог, – заключил парень уже веселым тоном. Ваша геологоразведочная группа сейчас в нашей деревне. Как цыгане, поставили палатки на месте старого села, примыкающего к самому лесу... А начальник – Альберт Шахназарян, отличный парень, со взрослыми как взрослый, с маленькими как маленький.

– Да, я слышала, Альберт Леонович – прекрасный человек. А ты знаешь, что эта разведгруппа нашла здесь большие залежи золота? Но только по непонятной причине Азербайджан не хочет начинать разработку. А ведь здесь может работать несколько тысяч человек.

– Именно поэтому и не хочет, – сказал парень. – Почему должны иметь работу? Пусть уезжают, пусть Карабах тоже, как Нахичевань, опустеет от армян, – и добавил, уже успокоившись: – Я тебя отвезу прямо к этим палаткам. Согласна?

Девушка искоса посмотрела на него, довольно улыбнулась. Долго говорили этим утром девушка-геолог и парень-водитель. Они говорили не о важных вещах, как обычно говорят случайные попутчики...

А теперь парень, хотя немного расстроенный из-за этого неожиданного дождя, тайком смотрит в длинном внутреннем зеркале кабины на обаятельный профиль, снова и снова вспоминая их первую встречу, и все его существо переполняется ослепительной радостью.

– Я хочу, чтобы дорога длилась долго-долго, – девушка сказала это медленно, выделяя каждое слово...

Оторвавшись от мыслей о дожде и липкой грязи, парень улыбнулся ей. Он хотел ответить девушке, но понял, что все те слова, которые должен произнести, не в состоянии выразить его чувства, их самую незначительную часть. И он замолчал. Грузовик несся вперед, и время от времени ущелья, теснины вдоль дороги, окутанные мраком, эхом откликались на его прерывистые сигналы.

– Тебе не холодно? – спросил парень.

– Немного холодно, – ответила девушка и посмотрела направо, в сторону глубокого как пропасть ущелья, где сейчас бушует полноводный Тартар и бьется о камни, словно пытаясь выйти из крутых берегов.

– Подними стекло, – сказал парень. – Простынешь.

Девушка безуспешно подергала никелированный подъемник, потом сказала, что ничего не получается.

– Он, наверное, сломался... – расстроившись, сказал парень, чувствуя себя виноватым и бессильным. Он повернул руль, остановил машину на обочине и через колени девушки, почти касаясь ее груди, повернувшись направо, поднял стекло. – Видишь, ничего и не сломалось? – сказал парень, чуть волнуясь.

– Ну, я не смогла...

Парень повернулся и посмотрел на пылающие губы девушки, ее глаза, которые влажно блестели из-под длинных ресниц. Парень взволнованно обнял девушку, своими сильными руками прижал ее к груди.

– Не надо, не трогай меня, – поникшим голосом прошептала она. – Не трогай, прошу тебя. Не надо.

– Чего не надо, чего не надо? – самозабвенно прошептал парень, словно ничего не слыша и страстно целуя призывающие губы девушки.

«Странная вещь – любовь, – думал парень. – Она внезапно льет невидимый свет на понравившуюся тебе личность, и в ней тебе все кажется безгранично любимым, очень дорогим и родным».

Девушка больше не сопротивлялась. На ласки парня она отвечала застенчивой чистой первой девичьей любовью...

В стороне от дороги шумел вековой лес, верхушки деревьев качались от ветра.

– Нужно ехать, – сказала девушка, спустя некоторое время. – Поздно уже.

С дрожащей от неожиданного волнения грудью, парень какое-то мгновение сидел молча, положив могучие руки на руль. Потом он как-то нехотя сменил скорость грузовика, и машина медленно тронулась с места. Еще через пару поворотов справа снова показался Тартар, вздымаясь выше огромных речных камней. Волны блестели какое-то мгновение и скрывались за деревьями.

Парень ошибся: дождь застал их раньше, чем они проехали следующее село. Ливень бешено забил по крыше кабины, вода разлеталась в разные стороны, обильно стекая по стеклам. Машина ехала уже с меньшей скоростью, фарами прорывая темную пелену дождя. А девушка задумчиво смотрела наружу, и на губах ее играла легкая улыбка. Она думала о том, что в жизни и не представила бы, что может встретить парня-водителя здесь, в этих далеких горах, и полюбить его внезапно вспыхнувшей глубокой любовью.

– Да, уже темнеет, – сказал парень, – почти ничего не видно.

Он включил дальний свет. Впереди неожиданно появился человек.. Девушка увидела, как под деревьями на краю дороги он спасался от дождя. Увидев машину, человек поднял руку, вышел вперед.

– Спроси, куда ему надо? – невольно произнесла девушка.

Парень нехотя остановил машину и, со стороны девушки опустив стекло, спросил:

– Куда идешь?

– Я с нижнего села иду, дело было... – Человек подошел ближе, назвал деревню. Капли дождя стекали по его лицу. – Целых два часа стою. Как назло, наверх ни одна машина не едет, – сказал он, задыхаясь.

Он снова назвал деревню. Места здесь были девушке незнакомы, она не знала, в какую сторону нужно человеку, далеко ли эта деревня. А парень сказал:

– Отвез бы, честное слово, отвез бы. Но я в другую сторону еду, должен получить товар для нашего сельпо. Извини, – добавил парень и с грохотом закрыл дверцу.

Человек остался на дороге под проливным дождем. А дождь лил и лил, и казалось, не кончится никогда. Девушка повернулась и через узкое окошечко, ведущее в кузов, посмотрела назад. Незнакомец все еще стоял там, на краю дороги, один, сжавшись от холода и дождя.

– Он промок насквозь, – озабоченно произнесла девушка.

– Ничего, месяц купаться не будет, – ответил парень и засмеялся.

Он, конечно, понимал, что сказанное им было не очень остроумным, но, тем не менее, ему стало обидно, что девушка даже не улыбнулась его словам. Она еще раз повернулась, в узкое окошечко посмотрела назад, однако кроме крошечной тьмы ничего не увидела.

– А его деревня далеко?

Парень сказал, чуть подумав:

– Не так уж. Пешком до утра дойдет. А за это время от ветра высохнет одежда, – снова пошутил он и, довольный своим остроумием, опять засмеялся.

Девушка не обратила на его шутку никакого внимания. Она задумчиво смотрела на вычерчивающиеся в темноте высокие горы...

– Жалко было, – чуть позже сказала она, – остался под дождем.

– Если обо всех плакать, глаза не просохнут от слез, – сказал парень. – Я ему не обязан и не просил его торчать там.

Девушка с удивлением посмотрела на парня, но ничего не ответила. Долго молчала, потом сказала:

– Ты сказал, что где-то должен получить товар. Ты обманул?

– Конечно, – самодовольно кивнул головой парень, широко улыбаясь. – Я же в райцентре получил уже этот товар.

Девушка снова с удивлением посмотрела на парня, потом сказала устало:

– Тем более, нужно было взять его.

– Как взять, если в кузове товар сельского магазина? Вдруг что-то пропадет...

– Почему в кузове? Втроем поместились бы в кабине.

– Ты чего? Он бы здесь все испачкал. Не видела, как вода с него лилась... Ничего, пешком ходить – полезно для здоровья..

От этих слов девушка почувствовала странное оцепенение, утомленно опустила ее плечи, и она остановила отрешенный взгляд на стремительно бегущей в даль дороге. Впереди показались огни. После этой деревни заканчивалась трасса и начиналась горная ухабистая дорога. В дождливую погоду она становилась для машин почти непроходимой.

– Почему не разговариваешь? – наконец, спросил парень, не вынеся гнетущую тишину. – Что случилось с тобой?

Девушка безразлично пожала плечами:

– Ничего.

– Неправда.

– Правда.

– Улыбнись, чтоб я поверил, что ничего не случилось.

Девушка попробовала улыбнуться. «Улыбаясь, сначала улыбается сердце, – мелькнуло в мыслях у девушки, – и потом только на лице человека расцветает та самая улыбка». Парень вздохнул, немного прибавил скорость. Они въехали в деревню, и теперь машина тяжело поднималась по главной дороге в центре села, по обе стороны которой до самого плоскогорья тянулся ряд домов.

До Хндзахута оставалось три-четыре километра.

– Здесь трасса заканчивается, – сказал парень, – дальше дорога бестолковая, за час еле доедем.

Девушка не ответила. Она молча смотрела на дорогу и вроде даже не слышала слов парня. Машина забуксовала пару раз, однако все завершилось благополучно. Вверху деревни она еще раз забуксовала, парень запальчиво сжал зубы, прибавил газ, хотя очень хорошо знал, что это глупо. Грузовик рванул, но немного спустя, уже на окраине села, задние покрышки снова забуксовали, разбрасывая слякоть по сторонам. Мотор напряженно ревел. Парень выругался про себя, несколько раз поменял скорость, однако машина с места не сдвинулась, а все больше зарывалась в грязь. Чуть поодаль открылась дверь, свет из дома одним прыжком дошел до грузовика. Потом появился старик, который, ступая осторожно, но спотыкаясь, прошел вперед и встал по ту сторону дороги, возле ограды, и оттуда окликнул:

– Кто здесь?

Парень выключил мотор, а девушка открыла дверь кабины и встала на подножке.

– Мы едем в Хндзахут, – сказала она приятным голосом, – но из-за дождя дальше ехать невозможно.

– Бывает... – многозначительно ответил старик. – После дождя всегда так. Сколько лет говорят, что сделают, но все то же. Ничего, сегодня останетесь у нас, а утром что-нибудь придумаем. Без трактора не получится. Идемте.

– В машине есть товар для магазина, – в свою очередь, сказал парень.

– Никто не тронет. Не беспокойся. Иди.

Немного поколебавшись, девушка последовала за стариком, так же обходя лужи, как он. Парень закрыл двери машины и пошел за ними. Гостей приняла молодая хозяйка, а из соседней комнаты вышли мальчик и девочка. Мальчик был маленький, а девочке было лет двенадцать—тринадцать. Они все любезно улыбались неожиданным ночным гостям, чувствовалось, что искренне рады видеть в своем доме парня-водителя и девушку-геолога в джинсах. С первой же минуты сложилась такая непринужденная, дружелюбная обстановка, что девушке показалось, что она давно знает этих людей, очень давно. Вероятно, парень чувствовал то же самое. Он непрерывно шутил, смешил всех и сам тоже смеялся с ними. Горечь дорожных приключений была напрочь забыта.

Утро было солнечным. Хозяйка вошла в комнату, где спала девушка.

– Доброе утро! Хорошо спалось?

– Да, спасибо.

– Несколько раз раскрывались, я укрывала вас, боялась, что простынете.

– Наверное, не дала вам спать? – растерялась девушка.

– Нет, что вы говорите, – приветливо улыбнулась молодая женщина.

В ее улыбке не было фальши, она действительно считала это пустяком, о котором не стоит даже говорить. Девушка благодарно улыбнулась женщине и стала одеваться. Парень, который спал в соседней комнате, тоже проснулся и умывался под краном во дворе. Когда сели завтракать, дверь вдруг бесшумно открылась. Девушка подняла взгляд, посмотрела на вошедшего человека и неожиданно встала с места... В дверях стоял тот самый человек, которого они оставили на дороге под дождем. Это был муж молодой хозяйки, мужчина среднего возраста с добрым лицом.

Ни на кого не глядя, девушка молча пошла в смежную комнату, взяла свою сумку и вышла из дома. Все произошло так неожиданно, что никто даже не попытался ее остановить. Первым с места встал парень, он все понял. Бросился к двери и прямо с порога окликнул:

– Ануш!

Девушка даже не оглянулась. Она знала, что за первой горой, покрытой лесами, находится Хндзахут. И знала также, что дорога приведет ее в деревню.

– Ануш! – Повторно позвал ее парень. – Ануши-ик...

И вдруг воцарилась тишина. И парень впервые в своей жизни почувствовал тяжесть тишины. Она была глубокая, как пропасть, и крутая, как гора.

А девушка шла по дороге, ведущей в гору. Она шла по протоптанной после дождя тропинке, и встречный ветер развеивал по ее плечам распущенные черные волосы...

=====

ОРТЕЦ, СЫН И ДЕВОЧКА С КРАСНОЙ ЛЕНТОЧКОЙ

Памяти моего друга Сурена Каспарова

Мяч был из натуральной кожи, и, когда он ударялся об окна, стекла разбивались вдребезги. В последнее время после жалоб соседей игровые площадки оградили высокой металлической сеткой.

Мальчик садился по эту сторону сетки на деревянную скамейку под деревом и наблюдал за игрой. Играли мальчики со двора, его ровесники. И никто из них не звал парня поиграть, даже не приглашали постоять в воротах, хотя хронически не хватало вратарей, всем хотелось забивать голы. Поэтому все игроки по очереди стояли в воротах, заменяя друг друга после каждого забитого гола. Однако судьей выбирали его. Прямо подходили к нему и говорили:

– Будешь судить игру?

Мальчик кивал головой и доставал из кармана свой пластмассовый красный свисток.

Часы у него тоже были. Старые, отцовские, для его тринадцати лет немного большие. Он долго смотрел на золотистые стрелки, убеждаясь во времени, потом, одновременно со звонким звуком свистка, резко поднимал руку. И игра начиналась.

Но случалось, что и судить игру ему отказывали. Потому что часто, увлекшись игрой, судил неправильно.

Про футбол он знал все: где он родился, кто из футболистов, наших или иностранных, в составе каких команд выступал, сколько голов забил он и сколько голов забито с его подачи. Наизусть знал таблицу игр за последние пять лет и с вниманием следил за всеми футбольными матчами.

Мальчик даже имел собственный мяч Pollena – польский клетчатый мяч с красным штампом, который еще ни разу не коснулся земли. Около месяца мальчик держал его у себя, потом отдал отцу, чтоб тот положил его на заднее сиденье в своих зеленых «Жигулях», – сейчас это модно.

Он знал все тонкости игры, мог часами смотреть по телевизору матч, а на следующий день спорить до хрипоты, обсуждая его до мельчайших подробностей. И если вдруг не было оппонента для спора, он просто спрашивал у всех, кто заходил в подъезд или выходил оттуда, не важно кто: старушка, гуляющая с внуком, или спешащий на занятия студент:

– Вчерашний футбол по телевизору смотрели?

Если это была женщина, она минуту недоуменно смотрела на мальчика так, словно ей задали вопрос о химическом составе планеты Венера, а потом, понимая, о чем ее спросили, говорила:

– Нет, сынок, я ведь в футболе ничего не понимаю.

А если это был молодой парень, то он торопливо отвечал:

– Да, смотрел, но потом, потом, сейчас нет времени.

Мальчик с сожалением смотрел то за той, то за другим и взглядом искал третьего, с которым можно было наконец поспорить как следует.

Вначале его судейская беспристрастность была несомненной. Однако эта беспристрастность длилась недолго, и мальчик начинал хитрить, в основном, когда ребята одного двора соревновались с мальчишками другого. Он хитрил, конечно, в пользу «своей» команды (он говорил «мы выигрываем» или «мы проигрываем»). И когда случалось так, что мальчик заходил далеко в своей предвзятости, игроки противоположной команды пытались с той стороны ограды призвать его к порядку.

Если это не помогало, кто-нибудь из них, вышедший из терпения, подбегал к нему и со злостью поднимал над ним кулак, готовый ударить, особенно когда команда проигрывала, или игра никак не клеилась и все были в нервном состоянии.

Мальчик смотрел спокойно на эти пальцы, сжатые в кулак, и слегка улыбался. И улыбка у него была какая-то дерзкая. И непонятно было, хочет он, чтоб его, действительно, ударили или нет, чтоб между ним и этими парнями возникла драка, такая драка, которая бывает между другими мальчишками, когда из-за одной неудачной передачи цепляются и начинается беспощадная потасовка вместо игры.

Мальчик точно знал, что никакой драки не будет, что кулак, нависший над его головой, так и останется висеть в воздухе... И исподлобья смотрел, как ребята из их двора или из соседнего, оставив игру, медленно подходят к тому, кто осмелился поднять руку, чтобы ударить его. Он также знал, что если тому взбредет в голову ударить, другие на месте изобьют обидчика. Мальчик знал и об этом, но это его не радовало. Потому что, когда поднимают руку на кого-то, будь то свой или чужой, все равно другие подходят не избивать, а просто ждут честного боя один на один, драки лицом к лицу.

А вот с ним такого никогда не бывает, просто никаких драк у него ни с кем не бывает. И сейчас не будет. И когда тот, кто замахивается, чтоб ударить его, так и не ударив, уходит, с сожалением махнув рукой, у мальчика начинают дрожать скулы, он опускает голову и некоторое время слезы не дают рассмотреть стрелки на циферблате часов. Потому что для него оскорбительно, что, будь он даже тысячу раз виноват перед мальчишками, все равно никакой драки с ним не произойдет. И даже быть не может. И даже если будет, вместо него драться станут другие...

Из-за подобной несправедливости мальчик начинает мстить и своим, и чужим, мстить данным ему судьбой единственным оружием – своей неприкосновенностью.

Он назначает штрафные удары в тех случаях, когда никаких нарушений в игре нет, и не останавливает игру, когда нарушения явные. Мальчик нарочно путает счет забитых и пропущенных мячей, мячи, забитые одной командой, передает другой, придумывает и называет игроков обидными прозвищами, колкими словечками комментирует игру, не замечая того, что его как судью уже никто не слушает и игра просто так, сама по себе продолжается, а его жесткие замечания и восклицания среди игроков вызывают лишь снисходительную улыбку, мол, кто тебя слушает. Всем кажется, что мальчик злой от того, что кто-то попробовал его ударить. Но никто не знает, что он действительно зол не на то, что попробовали его ударить, а на то, что подняли руку на него, чтобы ударить, – и не ударили. Потому что его бить нельзя. Потому что на нем проклятие неприкосновенности, а мальчик хочет быть таким, как все, не хочет быть судьей за железной оградой, не хочет быть злым комментатором игры, осознавая, что за это ему ничего не будет, как и за ядовитые прозвища, даваемые игрокам, а хочет играть по ту сторону проклятой ограды, ударить в сторону ворот (два необожженных кирпича, слева и справа на расстоянии шести шагов), забить гол, ведь он отлично знает, как это делать, как метко передавать и принимать мяч, разбивать вдребезги окна соседей, а потом вместе со всеми мчаться за кочегарку, пока хозяин разбитого окна в полосатом домашнем халате не успел выбежать во двор и пригласить всех соседей в свидетели этому невиданному безобразию.

Однако игроки не знают всего этого, продолжают злиться на несправедливое судейство и, наконец, отказываются от него. Сами играют, сами и судят, коллективным путем. Мальчик успокаивается. Прошла у него злость. Все прошло. С чувством ужасного, беспросветного одиночества он остался совершенно одиноким в этом огромном, красивом, светлом мире, полном веселых детских голосов...

И мальчик, безмолвно замкнувшись в себе, безучастный ко всему, что происходит за оградой, долго сидит на деревянной скамейке и с тоской смотрит то на часы, то в дальний конец двора, то на противоположное здание.

На четвертом этаже того дома живет девочка – его ровесница. Она иногда выходит на балкон, и, глядя на нее, мальчик волнуется. Его также охватывает волнение, когда близится время возвращения девочки из школы... Мальчик внутренне чувствует этот момент и сердце его начинает биться очень часто.

Размахивая сумочкой, издали появляется своенравная девочка с красными лентами в косичках, эстетичная, стройная, с тонкой талией, как молодая ивушка, с сияющими черными глазами и пылающими, как костер, розовыми пухлыми губами, не останавливаясь, улыбаясь, проходит мимо мальчика, и он потом весь день не может ее забыть.

И вот, наконец, из-за здания появляются зеленые «Жигули» отца. Не спеша машина заворачивает во двор и на малой скорости, подъезжая к подъезду, останавливается. Мягко хлопает дверца, из машины выходит отец.

Он еще молодой, но уже седоволосый, и лицо у него уставшее. А взгляд спокойный, но уверенный. Он подходит к сыну, здоровается с ним, как со взрослым, потом смотрит на тех, кто играет по ту сторону ограды. Обращается к сыну:

– Сегодня ты не судишь игру?

Сын отводит глаза и говорит:

– Они не хотят, чтоб я судил.

– Почему? – Отец смотрит на него строго и требовательно, словно заранее осуждая ответ на его вопрос. – Почему не хотят? – повторяет он свой вопрос. Он никогда не обращается к сыну ласково.

– Я сужу не так, как нужно, – глубоко вздохнув, произносит мальчик.

– По-моему, они правы. Игру необходимо судить справедливо. Или ты не согласен?

Мальчик вначале молчит, после чего робко смотрит на отца и говорит:

– Согласен.

Он улыбается. В присутствии отца ему легко улыбаться непринужденно.

– Вот и прекрасно. А теперь прочитай это письмо.

Отец достает из нагрудного кармана открытое письмо и протягивает сыну. Письмо из далекого города Курган. Сын начинает читать, и его лицо постепенно заливается светлой улыбкой. Сын верит во всесильное могущество Того, кто написал это письмо.

– Когда едем? – спрашивает сын с нескрываемым нетерпением.

– Скоро, – отвечает отец, так же улыбаясь. – Ты хочешь, поедem за город? – словно между прочим, говорит он.

– Хочу, – мальчик смотрит в сторону тех, кто находится на игровой площадке. – Только давай подольше останemся там, пока они все разойдутся по домам.

– Останemся на столько, насколько мне позволит мое время, – говорит отец. – Но поедem далеко. Я там, вдалеке от города, обнаружил хороший родник. Посидим у того родника, поедим хлеб с сыром. Поехали?

– Поехали, – снова улыбается сын.

Отец берет из-под скамейки два костыля, подает сыну и помогает ему подняться с места. Потом он идет и садится за руль. Знает, что сын сам дойдет до машины – до нее четыре шага. В проклятом городе Сумгаите озверевшие азербайджанские изверги выбросили его вместе с матерью с балкона пятого этажа вниз.

Сын остался жив. После пяти операций он научился проходить эти четыре шага. И мечтать... мечтать и надеяться...

=====

ПРЕРВАНЫЙ ПОЛЕТ

Самолет летел над высоченными облаками, и когда они немного раскрывались, внизу, в глубокой пропасти, виднелось бескрайнее темно-синее море.

Прижавшись лицом к иллюминатору, Микаел смотрел вниз. Ему нравилось глядеть на то, как белоснежные облака плыли за самолетом, постепенно отставая от него, а иногда показывалось бескрайнее море. Меж тем, самолет летел еще выше облаков, сквозь лучезарный свет солнца. В самолете было тепло.

Итак, взглядом и мыслями увлеченный видом за бортом, Микаел не услышал, как объявили о том, что погода в Ереване облачная, аэропорт закрыт, самолеты не принимаются и они вынуждены совершить посадку в аэропорту «Бина» города Баку.

– Ну, не везет, не получается так, как хочется, – над ухом недовольно бубнил сосед. – День рождения у внука, хотел вовремя домой попасть... И что теперь?

– А что случилось? – поворачиваясь в недоумении, спросил Микаел.

– А вы не слышали? «Звартноц» не принимает. Садимся в бакинском аэропорту.

«Не хорошо получается, – расстроено подумал Микаел, – и на сколько это затянется, не опоздаю ли на работу?»

Газетные киоски в аэропорту были уже закрыты. Микаелу было скучно. Он гулял по залу ожидания. На втором этаже встал у окна с толстыми стеклами, смотрел на самолеты, которые шли на посадку и на те, что взлетали, и все равно скучал. Потом пошел и узнал, что Ереван примет самолет только утром следующего дня. «До утра я свободен», – подумал он и, чтобы не томиться от скуки, решил поехать в город, посмотреть достопримечательности Баку. «После чего приеду, – решил он, – останусь в гостинице аэропорта, а завтра утром полечу в Ереван».

Сдав маленький чемодан в камеру хранения, он вышел на улицу. Хотел подойти к маршрутному автобусу, идущему в направлении города, как неожиданно кто-то сзади взял его за руку.

– Здравствуй, Микаел.

Он повернулся и, увидев друга детства Ашота Унаняна, которого не видел много лет, бесконечно обрадовался. Вместе окончили школу, вместе провели незабываемые детские годы, и, правда, сколько лет не виделись. Обнялись, расцеловались.

– Нужно отметить эту встречу, Ашот. Непременно отметить, – радуясь всем сердцем, сказал Микаел. – Ресторан, кажется, на втором этаже. Пошли. Вот так встреча! В мыслях даже у меня не было, что могу встретить тебя здесь. Господи, как хорошо, что увидел тебя, Ашот. Честное слово, не только потому, что я уже умирал от скуки, я действительно рад, что встретил тебя в этом чужом городе. То есть для меня чужом. Возвращаюсь из командировки. В Ташкенте было совещание писателей, пишущих о деревне. Ереван не принимает. Вынужденно сели здесь.

– Я тоже очень рад, Микаел. Очень рад. Значит, вылет отложили.

– Да, отложили до утра. Только узнал. Сказали, что раньше девяти часов утра не будет. Хотел поехать, город посмотреть, не был здесь.

– Договоримся так: никакого ресторана! Идем к нам, – сказал Ашот тоном, не терпящим возражения. – Как раз дома и отметим нашу неожиданную встречу.

– Ашот...

– Не поедешь – обижусь. Пойдем, я тоже возвращаюсь из командировки. Из Сургута. Невыносимо холодный, ледяной край, этот Сургут. Мы нашли там новые месторождения нефти. Россия – богатая страна, Микаел, где копнешь – там нефть и газ.

Они поднялись в автобус.

– Дома очень обрадуются... Знаешь, сколько лет уже, как не были в деревне? Правда, в позапрошлом году я ездил на пару дней, но за два дня тоску не утолишь, хотя понятно, что и места сейчас не те, что в детстве, и я уже не тот беззаботный мальчик.

– Я тоже давно не был, – взгрустнул Микаел. – Уже очень давно.

В пути они без конца говорили о деревне, о местах их детства, о родниках, о днях, проведенных на лугах и в горах, друзьях детства, о которых не знали, где они сейчас... И в далеких-далеких воспоминаниях Микаела снова, тихо журча, воскрес и потек ручей детства... «Ты любимый ручей нашего детства, – в уме шептал Микаел, – что звонко, радостно резвясь, бежал вниз, унося с собой наши ясные сны, где ты теперь, где умолк твой мелодичный голос? Вернись, наш ручей, из глубины далекой памяти, – говорил он мысленно, – верни безоблачные радостные дни нашего детства, верни любимых наших друзей, пусть жизнь полнится их головами, пусть мы снова станем младенцами, беззаботно счастливыми в наших далеких, далеких, далеких горах...»

Микаел все думал, задать вопрос или нет. Хотел спросить об одном человеке – это была мать Ашота, ынкер Арпине, их учительница, любимая всеми учениками. И сейчас в ушах Микаела звучит ее бархатный голос, такой приятный, родной и любимый. Хотел спросить о ней, но считал неудобным. «А может, ее уже нет», – думал Микаел и поэтому не мог решиться. Помнил, в последние месяцы десятого выпускного класса она порой говорила: «Пойдете, окунетесь в жизнь и забудете про ынкер Арпине». А они: «О чем вы говорите, ынкер Арпине, мы вас никогда не забудем». Она поворачивалась, долго смотрела из окна на улицу и с грустью произносила: «Только бы вам было хорошо, – тихо, словно сама себе, говорила она, – чтоб было хорошо, чтоб нашли свое достойное место в жизни и были счастливы!» И теперь, по всей вероятности, ни один из ее воспитанников не знает даже, жива она или нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.